

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?
Читайте романы Олега Роя:

- Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека
Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных
Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

ОЛЕГ
РОЙ

Белый квадрат.
Захват судьбы

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Читайте дилогию Олега Роя:
Белый квадрат. Лепесток сакуры
Белый квадрат. Захват судьбы

Рой, Олег.

Р65 Белый квадрат. Захват судьбы : [роман] / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-94708-9

Два человека подошли к белому квадрату татами с разных сторон — Виктор Спиридонов, благородный офицер, постигший дзюдоицу в японском плену, и Василий Ощепков, сын ссыльных родителей, получивший дан в святая святых дзюдо Кодокане. Два человека, увлеченные общим делом, но разделенные политикой и личными взглядами. И все же они могли бы поладить, если бы не предательство. Именно против него им обоим приходится вести непримиримую борьбу, но что делать, если в нем замешан самый близкий для тебя человек, если в твою последнюю в жизни любовь вплелся горьковатый вкус яда?.. Судьба, как и судья на поединке, не знает жалости.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94708-9

© Резепкин О., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Спасибо моим друзьям — продюсерам фильма «Начало. Легенда о самбо», а также лично Георгию Шенгелия и Сергею Торчилину, чьи идеи вдохновили меня на создание этого романа, и моему консультанту по политико-экономическим, военным и социально-бытовым аспектам сюжета Битанову Алексею Евгеньевичу.

Памяти моего сына Женечки посвящается.

События, описанные в романе, не претендуют на полную историческую достоверность и являются художественным вымыслом.

Глава 1

Сердце из кремня

Новосибирск встречал Спиридонова переменной облачностью; судя по всему, не так давно прошел дождь, краски вокруг были яркими, сочными, воздух все еще был насыщен влагой.

Ступив на перрон, Виктор Афанасьевич достал папиросы и закурил последнюю, спрятав пустую пачку в карман кителя, чтобы при случае выбросить в урну. И тут он увидел Ощепкова.

Виктор Афанасьевич сразу узнал его, хоть и представлял себе по-другому. Василий Сергеевич оказался крупнее и старше (последнее, впрочем, легко объяснить — фотографии в деле были нескольких лет давности). Одет он был в простой костюм, какие носят советские служащие летом, — светлая блуза с накладными карманами и чуть более темные просторные брюки. На ногах — ботинки армейского образца, в каких ходила тогда вся страна независимо от пола и возраста. На голове — светлая шляпа с широкими полями, довольно-таки несерьезная. Через руку переброшен светлый же плащик — их на юге России почему-то зовут макинтошами.

Виктор Афанасьевич нарочно зашел не с той стороны, куда Ощепков смотрел, выглядывая его, и бодро проговорил:

— Василий Сергеевич, не меня ли высматриваете? Я Спиридонов.

И протянул ему руку, с ноткой злорадства глядя на мгновенное замешательство. Впрочем, Ощепков совладал с собой моментально.

— Как я вас упустил? — патетически воскликнул он, крепко пожимая протянутую ему руку. — Рад познакомиться, Виктор Афанасьевич, весьма наслышан.

— Как и я про вас, — с готовностью отвечал Спиридонов. — Но, конечно, хотелось бы познакомиться ближе, коллега. Должен сказать, вашими успехами я впечатлен.

Ощепков смутился, натурально, как институтка. Высший дан по дзюудзюцу, вынужден был напомнить себе Спиридонов. В поведении, да и во всем облике Ощепкова было что-то детское, невинное, незамутненное. Это как-то не вязалось ни с его шпионской биографией, ни с тем, что было известно о нем как о дзюудоку.

— Непременно! — ответил Ощепков с энтузиазмом. — Нас с вами объединяет дзюудзюцу, а это, как вы знаете, намного больше, чем «схватил-подсек-повалил».

Виктор Афанасьевич кивнул. На его вкус, Ощепков был простоват, как инженерный карандаш.

— Несомненно, — улыбнулся он. — Сгораю от нетерпения узнать вашу историю. Вы видели места, где я только мечтал побывать, Кодокан...

— В свою очередь хотел бы познакомиться с вашей историей, — ответил Ощепков. — Как я слышал, вы учились у японского мастера. Я многих среди них знаю. Хотелось бы провести с вами хотя бы один поединок. Вы ведь тренируете московскую милицию; о вас говорят как о большом мастере...

— И вам не терпится узнать, насколько это соответствует действительности? — улыбнулся Виктор Афанасьевич. — Как я могу вам отказать? Мне только надо найти какую-нибудь гостиницу, а потом...

— Я отвезу вас, — живо вызвался Ощепков, — у меня извозчик заложен. А для вас заказан номер в «Метрополе»... простите, в «Октябрьской», просто все ее «Метрополем» здесь называют, как раньше.

И он улыбнулся какой-то бесхитростной, совершенно детской улыбкой. Улыбка ему удивительно шла.

— В «Метрополе»? — удивился Виктор Афанасьевич. — Но зачем? Я же не нэпман какой-то, меня бы вполне устроила чистая койка в какой-нибудь гостинице попроще.

Ощепков опять смутился. Но не так, как можно было бы ждать от провинциального чиновника, раболепствующего перед столичным и начинающим метать перед ним бисер (вспомним отечественных сатириков от Гоголя до Ильфа и Петрова). Нет, Василий Сергеевич смущался не от того, что чувствовал себя «на скользкой почве». Его смущение шло от души, от чистого сердца:

— Вы здесь из-за меня... Прodelали долгий путь, оторвались от своих дел, оставили учеников...

Виктор Афанасьевич остановился и сказал почти строго:

— Но ведь и вы собираетесь оставить своих... И не просто надолго. Если все сложится так, как надо, вас переведут в Москву.

Василий Сергеевич посмотрел Спиридонову прямо в глаза и со вздохом ответил:

— Видит бог, мне бы этого не хотелось! Я привязчивый. Очень привыкаю к людям, к местам... Я любил Сахалин, хотя

там нечего было особо любить, любил Токио, хотя он совершенно чужой нам, любил Владивосток... Теперь вот люблю Новосибирск. Но судьба не интересуется нашими предпочтениями. Я не виноват, что Машенька расхворалась. — Его глаза подозрительно заблестели, но Ощепков быстро взял себя в руки: — В свое оправдание скажу, что мне есть на кого оставить секцию. Другим тоже следует расти, а мне — обживаться на новом месте. Такова жизнь...

Спиридонов машинально кивнул, и они продолжили путь.

* * *

Оставив вещи в гостинице, Виктор Афанасьевич и его спутник сразу же отправились в спортклуб Осоавиахима, где Ощепков проводил занятия. Машин в городе почти не было, да и гужевой транспорт не запрудил улицы, и в целом, если сравнить с Москвой, Новосибирск казался тихим и патриархальным, о чем Виктор Афанасьевич опрометчиво не преминул сообщить Василию Сергеевичу.

Тот отреагировал, видимо, с легкой обидой, потому как пустился в пространные объяснения:

— Во-первых, мы с вами едем по периферийным кварталам, вдали от, так сказать, делового центра. А во-вторых, сегодня же пятница. Все домой спешат, отдохнуть после трудовой недели.

— А с преступностью у вас как? — поинтересовался Спиридонов, не подав виду, что заметил обиду.

— Бог миловал, — с удовлетворением ответил Ощепков. — Во Владивостоке похуже было, и то справлялись. А в Москве что?

Виктор Афанасьевич вздохнул:

— Да уж не то что раньше, но могло быть получше. Сознательность в народе растет медленно. Но мы над этим работаем, так сказать, не покладая рук и не жалея ног.

Василий Сергеевич каламбура, скорее всего, не понял:

— Здорово! Я вот занимаюсь с рабочей молодежью, и, доложу я вам, сколько в этой среде талантов! Золотое дно. Хорошо, что советская власть дает им возможность прорасти, не как встарь: упало зерно в терние... — Виктор Афанасьевич молчал, и Василий Сергеевич продолжил: — Дзюудзюцу меняет человека, меняет к лучшему. Я заметил, ко мне многие приходили, чтобы «научиться драться». Сейчас они совсем другие люди.

— Научились драться? — ровным голосом уточнил Спиридонов.

Ощепков выражением лица дал понять, что речь о другом:

— Научились жить! Думать научились, и все благодаря дзюудзюцу. Вы, кстати, как, не проголодались с дороги? Можем в столовую заехать, ресторана, правда, не могу предложить.

— Спасибо, не голоден, — ответил Виктор Афанасьевич. При его обычно скудном пайке и после вчерашней обильной трапезы в вокзальном общепите он мог не испытывать чувства голода еще дня три. — А вот курево мне купить стоило бы. У меня кончилось, а на вокзале я разносчиц что-то не заметил. Брал с собой в дорогу, но все выкурил... В поезде, знаете ли, чем еще заниматься?..

— Тогда остановимся у табачной лавки, — решил Ощепков и спросил у извозчика: — Дружок, здесь где-нибудь махоркой торгуют?

— На перекрестке есть лабаз Потребсоюза, Василь Степаныч, — степенно ответил тот, — да товар там негодный, одно название, что табак, а так солома сухая. Заехать, что ли, к Дешевкиным? У них есть любое курево, хошь «Кино», хошь буржуйское зелье. Правда, цены дерут, буржуи недобитые...

— Заедь, дружок, будь добр, — попросил Ощепков, удобнее усаживаясь на сиденье. — А уж вы меня, Виктор Афанасьевич, великодушно простите, курить, по-моему, дело дурное.

— Извозчик-то ваш, что ли? — Виктор Афанасьевич пропустил замечание о вреде табака мимо ушей. Только морализаторства ему тут не хватало!

— Чей это «наш»? Новосибирский? — удивился Ощепков.

— А откуда же он вас знает? — в свою очередь был удивлен Спиридонов.

Ощепков разулыбался:

— А меня тут каждая собака знает, не то что рабочий люд. Как там у Есенина? «В переулках каждая собака знает мою легкую походку». Вот только, к счастью, по другому поводу.

Будь на месте Ощепкова кто-то другой, Виктор Афанасьевич давно бы решил, что тот задается, кичится своим показательным образом жизни — с Ощепковым представить себе такое было решительно невозможно. Казалось, Василий Сергеевич был напрочь лишен и малейшего намека на то, чтоб лукавить и играть роль. Говорят, сильные от природы люди добры. Действительно, очень часто, если не всегда, злыми человеконенавистниками люди становятся оттого, что несчастны и не видят ничего лучше, чем делиться своим

несчастьем с окружающими. Впрочем, и сильных людей не обходят несчастья...

— Вот и лавка, — сообщил Ощепков, локтем дружелюбно подпихнув Спиридонова в бок. — Идите покупайте свою милую вашему сердцу отраву, а мы подождем.

Виктор Афанасьевич проворно выскочил из коляски и поспешил под сень вывески бедного провинциального сородича московских нэпманских «универсальных магазинов». Здесь, как и в Москве, можно было отовариться чем угодно — с поправкой на провинциальность заведения, разумеется. Виктор Афанасьевич, впрочем, купил только две пачки папирос «Кино», дешевых и дурно пахнувших. Выйдя на крыльцо, с наслаждением закурил. И как это он выдержал час без курева? Обычно он закуривал каждые полчаса...

«Надо будет перед отъездом сюда еще разок заскочить, — отметил он про себя. — Две пачки — этого мне не хватит...»

Он все думал об Ощепкове. Образ прожженного афериста-двурушника рассеялся, но осадок сомнений все же оставил. Доверять Ощепкову Виктор Афанасьевич не мог, но и воспринимать его как прохиндея тоже уже был не в состоянии. Больше всего Василий Сергеевич напоминал добродушного увальня, но...

Но как тогда он сумел так успешно сотрудничать с разведкой ДВР, скажите на милость? Откуда в этом бесхитростном человеке столько нашлось... (он поискал слово) изворотливости? Ведь иначе как он мог уцелеть, когда все подполье оказалось проваленным? Вот в чем загвоздка... Ну да ладно. Посмотрим, что он сам скажет на это.

Докурив, Виктор Афанасьевич вернулся в коляску.

— Простите, задержался, — пробормотал он, забираясь на сиденье. — Не хотел травить вас дымом.

— Да курите, товарищ, — великодушно разрешил извозчик, — не стесняйтесь. Иные пассажиры как сядут, да как пойдут дымить вчетвером...

Свое извинительное замечание Спиридонов адресовал не извозчику, конечно же, а Ощепкову с его правильным образом жизни, но вносить ясность было бы глупо.

До спортзала, оборудованного в старом угольном складе, добрались быстро. Здание напоминало саманный китайский овин ровно настолько, насколько океанский лайнер напоминает озерную плоскодонку, однако Виктор Афанасьевич поймал себя на каком-то смутном чувстве узнавания. Окна под крышей, сквозь которые льется в зал серый свет пасмурного дня, обширное пространство с белым квадратом татами на полу... точнее, квадратами — татами в зале было несколько, а главное — символ инь-ян на стене — вот что служило поводом к спиридоновскому дежавю.

— Вот здесь мы и тренируемся, — прокомментировал Ощепков, пропуская Спиридонова вперед. — Не бог весть что, конечно, но и того довольно.

— По-моему, совсем неплохо, — откликнулся Виктор Афанасьевич. — Как будете в Москве, я вам свой зал покажу. Условия примерно те же, только и того, что паровое отопление имеется. Зимой-то вы как?

— Мерзнем, что уж тут говорить, ну и тренируемся в ватниках с валенками, — улыбнулся Василий Степанович. — Здесь температура ниже четырех не падает даже в самые лютые морозы.

Фразу про Москву он, похоже, пропустил мимо ушей, а Виктор Афанасьевич ее запустил как пробный шар. И что он узнал? Да ровным счетом ничего. Ощепков был весь округлый, ухватиться не за что. Может быть, в этом и секрет его конспиративных успехов?

— Вот тут у нас раздевалки, — Василий Степанович указал на воздвигнутые в конце зала деревянные выгородки. — Это ребята сами соорудили, есть среди них рукастые, из рабочей молодежи. А мой кабинет наверху. По лестнице надо подняться.

Он остановился у лестницы и сказал со смущением:

— Вы уж простите, Виктор Афанасьевич, но домой к себе я вас пригласить не могу. У Машеньки открытая форма, дом превращен, можно сказать, в лазарет. Меня-то хворь не берет, бог знает почему, а за вас я в ответе: вдруг заразиться? Да и Маша слаба, не до гостей ей...

Виктор Афанасьевич кивнул:

— Заразиться я не боюсь, а вот больную тревожить и впрямь ни к чему. Побеседуем у вас в кабинете. У нас время-то есть?

Василий Сергеевич посмотрел на часы (какие-то дешевенькие, с тонкими стрелочками и картонным циферблатом в металлическом корпусе):

— Тренировка через два часа с половиной. Вы же останетесь на тренировку? Вы мне еще и поединок обещали.

Виктор Афанасьевич улыбнулся. В словах Ощепкова опять проступило что-то детское; так дети напоминают родителям, что те обещали сводить их в зоосад:

— Я не из тех, кто нарушает обещания. Посмотрим, чему вы учите своих бойцов. Может, что-то и почерпну...